

ШАРОИД ИНЖЕНЕРА ЯРМОЛЬЧУКА

1. Прошли секунды, и вот уже поезд показался на горизонте. Его серебристое дело стремительно, словно торпеда, пронесется мимо нас. Необычна не только форма этого поезда, напоминающего гигантскую сигару. Не слышно ни характерного перестука колес, ни тяжелого дыхания паровоза. Да, этот поезд не имеет колес и движется не по рельсам, а по железнобетонному лотку, или, точнее, желобу.

Это не досужий вымысел писателя-фантаста. Это и не взгляд в будущее. Чтобы увидеть такой поезд, нам (как это странно) придется бы вернуться на двадцать лет назад.

В 1932 году в Подмосковье была выстроена опытная линия. Сотни людей с интересом наблюдали за первым в мире поездом, у которого одно из древнейших изобретений человечества — колесо было заменено шаром.

«Шэль» — так назывался новый вид транспорта. Что же означает это энергичное, короткое, как выстрел, слово? Прежде чем расширять его, обратимся к истории.

Идея замены колеса шаром зародилась в двадцатых годах. Коммунист, студент Морского высшего технического училища Николай Ярмольчук не раз задумывалась над проблемой сверхскоростного движения. Постепенно ему становилось все более ясным, что основной тормоз на пути к рекорду скакуна скорости — система двухлинейного движения.

И в самом деле от колесницы древних римлян до машинного современного паровоза принцип двух колес, соединенных осью с центром тяжести между точками опоры, оставался неизменным.

Правда, в них были вошли велосипед и мотоцикл. Казалось бы, найден путь к решению задачи — переход на однолинейное движение, то есть когда опоры вагонов находятся на одной линии, параллельной направлению движения. Действительно, пока велосипед и мотоцикл движутся, они сохраняют устойчивость. Стоит же им остановиться, как седок склонится расстаться со своим неожиданным транспортом. Иначе емугрозит опасность опутываться на земле.

Как же все-таки добиться устойчивости при однолинейном перемещении? Ясно одно — на колесо надетьться нечего. При всех заслугах перед человечеством у него есть органический порок: центр тяжести колеса выше его центра устойчивости; в состоянии покоя оно стремится упасть.

Шары! Этот усеченный с двух сторон шар — вот геометрическое тело, лишенное основного недостатка колеса: центр тяжести здесь уже поменялся местами с центром устойчивости. Именно в этом секрет равновесия известной детской игрушки «ваньки-станки». Под каждым углом ее наложила она неизменно примет первоначальное положение.

Идея движения по одной «нитке» обрела свою окончательную форму: шаровагон на двух опорных точках — шарах. Такой поезд всплыл в самые рискованные кривые. Ему не грозят опасности опрокинуться — центр тяжести каждого вагона также расположено ниже центра устойчивости.

Свою изобретение Ярмольчук назвал «Шэль» — шароэлектротролевый транспорт. Отсутствие страха перед кривыми, доказывал изобретатель, лишь одно из преимуществ шаропоезда. Другое, и не менее важное — уменьшение в два-три раза сопротивления движению. Только за этот счет почти пропорционально может возрасти и сколько

К таким людям и принадлежит Ярмольчук. Воплощение своей идеи не было для него самоцелью. Он подходил к делу по-государственному и сумел понять, что у транспорта в то время были более насущные и важные задачи. Но он верил, что будущее за его изобретением.

И в то же время Ярмольчук понимал, что будущее он должен принять с новым багажом. Когда настанет час его идеи, жизнь уже предъявит к ней новые требования. И он продолжал свою творческую исканье.

Одновременно учился Сорокалетний человек, уже известный изобретателю, вновь садится на студенческую скамью и заканчивает Московский электромеханический институт инженеров железнодорожного транспорта.

В время учебы его замыслы не получали конкретных воплощений. Это были годы как бы скрытого кинеса, когда шло количественное накопление творческого запаса...

Ярмольчук постепенно приходит к мысли использовать шаропоезд для перевозок и по шоссейным и по проселочным дорогам. Гельможе убрать направляющий поток, рассуждает он, ипустить шаропоезд, или теперь «шаромобиль», не только по дорогам, но и по бездорожью.

Первый поезд с лотка на обычное дорожное полотно принес немало осложнений. Потребовалось усилить многие конструкции, создать целую систему амортизаторов, сделать более эластичными крепления отдельных деталей.

И, наконец, на чертежах появились схемы шаромобильных поездов — вездоходных монтир машин для массовых перевозок грузов.

Представьте себе автомашину с 10—15

прицепами, каждый из которых является самостоятельной движущей единицей. Такой «поезд» не боится крутых подъемов, он не забывает даже на самом труднопроходимом месте. Подсчеты изобретателя показывают, что один шаромобильный поезд из 12 вагонов заменит 45 полуторатонных автомобилей.

Вот на дороге со скоростью 70—120 километров в час движется шаромобильный поезд. Впереди — болотистый участок. Колотая осталася на шаромобильные скаты быстро надевают прорезиненную с металлическими прокладками ленту. Напоминающими гусеницы трактора, и поезд без труда преодолевает трясину.

Шаромобильному поезду-вездеходу не страшны мгновенные снежные бураны. С помощью бесконечной ленты двухконтурного состава легко пройти по глубокому снегу. Для перегонки спущенных материалов Ярмольчук предложил шаропоезд-самосвал.

Шаромобильный поезд может потребоваться на Крайней Север и в пеках Средней Азии, в тундре и в степях, на лесоразработках, в горных условиях — всюду, где экономическим соображениям неподходящим проектировать железнодорожные ко-

мплексы.

3. В своей работе Ярмольчук не был одинок. Вряд ли ему удалось бы

столько сделать, если бы не поддержка коллектива проектно-конструкторского бюро Министерства транспортного строительства, в котором он трудился. Казалось, какое ледяное его соглашение не выйдет из-под ног. Впереди — болотистый участок. Колотая осталася на шаромобильные скаты

быстро надевают прорезиненную с металлическими прокладками ленту. Напоминающими гусеницы трактора, и поезд без труда преодолевает трясину.

На вагонах ложатся контуры новых машин. Десять, шестнадцать, двадцать шароэлектротягачей, к которым принадлежат пятикорпусные погрузчики, быстро проходят поле из одного конца в другой. Шароэлектротягачи внешне похожи на небольшой городской трактор. Но на нем нет людей, он управляет дистанционно. Впереди ила скобу шеренги машин движется шаровагон-электростанция, соединенная с каждым тягачом гибкими резиновыми кабелями. Оператор на электропульте, размещенном в кабине электростанции, легко управляет лейзером отряда.

А потом сюда придет отряд шаросеялок с широким захватом посыпа из 100 до 200 метров. Принцип действия машин и схема организации работ здесь те же самые, что и на пахоте. Каким могучим орудием может стать шаронидная техника в руках покорителей целини!

Так, сядя с лотка, шарона Ярмольчука пропадет, пусть пока только в проектах, сложный путь от сверхскоростного шаро-посада до самодвижущегося шаросеялки.

Сейчас проекты и расчеты Ярмольчука изучаются в Научно-исследовательском институте механизации сельского хозяйства и других организациях.

А потом сюда придет отряд шаросеялок с широким захватом посыпа из 100 до 200 метров. Принцип действия машин и схема организации работ здесь те же самые, что и на пахоте. Каким могучим орудием может стать шаронидная техника в руках покорителей целини!

Так, сядя с лотка, шарона Ярмольчука пропадет, пусть пока только в проектах, сложный путь от сверхскоростного шаро-посада до самодвижущегося шаросеялки.

Сейчас проекты и расчеты Ярмольчука изучаются в Научно-исследовательском институте механизации сельского хозяйства и других организациях.

И, наконец, коммунисты проектного бюро

и изобретатели конкретной помощи.

И, наконец, коммунисты проектного бюро

и изобретатели конкретной помощи.

2. Перефразируя известную поговорку, можно сказать: «Каждое изобретение имеет свою судьбу». Несмотря на то, что шаропоезд выдержал первый эксперимент двадцать лет назад, тогда он не получил путевки в жизнь.

По-разному в таких случаях реагируют люди. У одних опускаются руки, другие на-принимают свою творческую энергию в новое русло. Но есть подлинные «рыцари» своей идеи, чувствующие себя ответственными за судьбу изобретения Ярмольчука. Эта поддержка выражалась не только в дружеском обмене, которое стало нужно изобретателю. Оказались конкретными помощники.

И, наконец, коммунисты проектного бюро

и изобретатели конкретной помощи.

К сожалению, не так отнеслись к предложению Ярмольчука те, кто должен был

первыми отреагировать на него. Вместо того, чтобы сказать: «Рассмотрев ваше предложение, я считаю, что оно заслуживает внимания», сказали: «Пригласите меня в Министерство транспорта и я рассмотрю ваше предложение».

Настала пора заняться и шаронидом Ярмольчука.

Беспокойство о прогрессе нашей техники — характерная черта советских людей.

Хочется думать, что она присуща и всем тем, от кого в дальнейшем будет зависеть судьба шаропоезда.

Сейчас проекты и расчеты Ярмольчука изучаются в Научно-исследовательском институте механизации сельского хозяйства и других организациях.

Вот Павлов пишет: «Министерство транспорта СССР тов. Д. Павлов ответ на заметку «Мелочь ли это?», опубликованную в номере 15 октября.

Тов. Павлов пишет: «Министерство транспорта СССР считает правильными замечания автора заметки «Мелочь ли это?» о неудобствах для расчетов с покупателями неокругленых ровинчатых цементов на предприятиях Европы 1947—1951 гг., при одном и том же составе подразделяющихся на

матэ Залка, мемориальной доски.

◆ ◆ ◆

Здесь жил Матэ Залка

Известный венгерский писатель Матэ Залка в течение пяти лет жил и работал в Москве, в доме № 3/5 по улице Фурманова. Исполкома Московского Совета удовлетворил ходатайство правительства Союза писателей СССР об установлении на доме, где жил Матэ Залка, мемориальной доски.

◆ ◆ ◆

ПО СЛЕДАМ ВЫСТАУПЛЕНИЯ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

«МЕЛОЧЬ ЛИ ЭТО?»

Редакция получила от министра торговли СССР тов. Д. Павлов ответ на заметку «Мелочь ли это?», опубликованную в номере 15 октября.

Тов. Павлов пишет: «Министерство торговли СССР считает правильными замечания автора заметки «Мелочь ли это?» о неудобствах для расчетов с покупателями неокругленых ровинчатых цементов на предприятиях Европы 1947—1951 гг., при одном и том же составе подразделяющихся на

матэ Залка, мемориальной доски.

◆ ◆ ◆

Сейчас проекты и расчеты Ярмольчука изучаются в Научно-исследовательском институте механизации сельского хозяйства и других организациях.

И, наконец, коммунисты проектного бюро

и изобретатели конкретной помощи.

К сожалению, не так отнеслись к предложению Ярмольчука те, кто должен был

первыми отреагировать на него. Вместо того, чтобы сказать: «Рассмотрев ваше предложение, я считаю, что оно заслуживает внимания», сказали: «Пригласите меня в Министерство транспорта и я рассмотрю ваше предложение».

Настала пора заняться и шаронидом Ярмольчука.

Беспокойство о прогрессе нашей техники — характерная черта советских людей.

Хочется думать, что она присуща и всем тем, от кого в дальнейшем будет зависеть судьба шаропоезда.

Сейчас проекты и расчеты Ярмольчука изучаются в Научно-исследовательском институте механизации сельского хозяйства и других организациях.

И, наконец, коммунисты проектного бюро

и изобретатели конкретной помощи.

К сожалению, не так отнеслись к предложению Ярмольчука те, кто должен был

первыми отреагировать на него. Вместо того, чтобы сказать: «Рассмотрев ваше предложение, я считаю, что оно заслуживает внимания», сказали: «Пригласите меня в Министерство транспорта и я рассмотрю ваше предложение».

Настала пора заняться и шаронидом Ярмольчука.

Беспокойство о прогрессе нашей техники — характерная черта советских людей.

Хочется думать, что она присуща и всем тем, от кого в дальнейшем будет зависеть судьба шаропоезда.

Сейчас проекты и расчеты Ярмольчука изучаются в Научно-исследовательском институте механизации сельского хозяйства и других организациях.

И, наконец, коммунисты проектного бюро

и изобретатели конкретной помощи.

К сожалению, не так отнеслись к предложению Ярмольчука те, кто должен был

первыми отреагировать на него. Вместо того, чтобы сказать: «Рассмотрев ваше предложение, я считаю, что оно заслуживает внимания», сказали: «Пригласите меня в Министерство транспорта и я рассмотрю ваше предложение».

Настала пора заняться и шаронидом Ярмольчука.

Беспокойство о прогрессе нашей техники — характерная черта советских людей.

Хочется думать, что она присуща и всем тем, от кого в дальнейшем будет зависеть судьба шаропоезда.

Сейчас проекты и расчеты Ярмольчука изучаются в Научно-исследовательском институте механизации сельского хозяйства и других организациях.

И, наконец, коммунисты проектного бюро

и изобретатели конкретной помощи.

К сожалению, не так отнеслись к предложению Ярмольчука те, кто должен был

первыми отреагировать на него. Вместо того, чтобы сказать: «Рассмотрев ваше предложение, я считаю, что оно заслуживает внимания», сказали: «Пригласите меня в Министерство транспорта и я рассмотрю ваше предложение».

Настала пора заняться и шаронидом Ярмольчука.

Беспокойство о прогрессе нашей техники — характерная черта советских людей.

СВОЕОБРАЗИЕ ПИСАТЕЛЯ

Богда в произведении средства художественной выразительности найдены сами автором, а в обрисовке образов чувствуется отпечаток индивидуальности писателя, тогда мы говорим: этот художник своеобразен, у него свой стиль.

Очевидно, не миришь с серостью в литературе, с кочующими из книги в книгу однажды героями, с невыразительным языком, мы начали отождествлять своеобразие писателя с его талантом. Своеобразен — значит талантлив, галантлив — значит самобытен. Однакоже, своеобразие может стати и силой художника и его слабостью, его широтой и его узостью. Ведь субъективный взгляд писателя на мир лишь тогда интересен нам, когда он помогает ярким цветом новизны осветить объективный ход окружающих явлений.

Об этом думашь, читая «Серебряного слова» — новую повесть Сусанин Георгиевской («Новый мир», № 9, 1955), писательницы, известной нам по искренним, правдивым книгам «Бабушкино море» и «Отроцество». С первых же страниц «Серебряного слова» мы ощущаем свежесть открывшегося нам заново дарования. Но по мере того, как автор развертывает перед нами события, повествует о судьбах людей, все чаще возникает мысль, что мать Георгиевская, форма, в которую она обекает увиденное, не всегда отражает богатство жизненного материала, тант в себе опасность стилизации, суживает возможности талантливых писательниц. В «Серебряном слове» живое, свежее как бы с искусственным, нарочитым.

Повесть посвящена жизни одного из дальнних уголков нашей страны — Таджикистана, северо-восточной части Тувинской автономной области. Мы видим простых людей Таджики, новые приметы их труда и быта. Произведение Георгиевской — это, по существу, лирическое повествование, где все окрашено чувствами и мыслями герояни повести — библиотечного методиста Леры Соколовой, где все преломляется через ее восприятие.

Месте с Лерой Соколовой мы начинаем любить городок Тара-хем и его обитателей, изумительные леса, горы, пастбища. Молодому специалисту, вчера еще студентке библиотечного института, приходится не легко. Но Соколова — энтузиаст своего дела. Она берется за самое тяжелое, доказывает, убеждая, вкладывая в работу весь пыл своего юного сердца, всю свою веру и напористость. Она добивается у секретаря райкома разрешений на выезд в одесскую библиотеку, где люди, удаленные от города на сотни километров тягой и гор, по нескольку месяцев не видят книг.

В сценах поэзии в тайгу шаг за шагом раскрывается характер героини. Хрупкая девочка, охваченная первым неведомым ей до сих пор чувством любви, она готова впасть в отчаяние, если сей не придет письмо от любимого, но в трудных условиях путешествия она из последних сил будет держаться на лошади, преозомагать боль ушибов, изуренная верховой ездой.

В наших книгах мы уже встречали многих девушек, молодых специалистов, уехавших из родного дома на работу, испытавших первые ее радости и первые горечи. Это Таня Власенкова у Каверина, Настя Ковшова у Николаевой, Баян Соколова из повести Ржевской «На новом месте», герояни повестей И. Гофф, Е. Шереметевой и многие другие. Но типическая, много раз использованная в литературе ситуация приобретает под пером Георгиевской новую окраску. Нам интересна и сама Лера — эта целикая и чистая натура — и то, что открывается перед ней: жизнь тувинского народа, его стремительное восхождение к культуре. Существенно не только формирование характера героини, но и сами по себе события, в которых она участвует, события, говорящие о нужно-

мые. Старики Таджисирен тоже задумались. Сия в трапе, измученного kostра, подавая босые тонкие ноги, он молча наблюдает за багажом трубы. Старость! Круглые от седы ноги. Скрученные руки. Лицо без выражения. А зубы цепы. Все цепы. Одни из-под низко нахлобученной на лоб меховой шапки выбиваются волосы. Густые, темные, без седин. Они спускаются на под думки треугольниками. И старые, мятые веки Таджисирен тоже, как треугольники. Глаза смотрят в сторону Леры. В книгах мудрость сердца и сердец, совсем другая стала жизнь».

Несколько строк, но в них — вся жизнь старика тувинца, который всяко переведал на своем языку, а радость увидел лишь на склоне лет.

Чаще всего подобные портреты как бы вписаны в поэтическую рамку. Рассказ автора льется свободно, и нам не кажется искусственным, что ход его то нарушит звонкое лирическое отступление писательницы, то окрасится он сказочными преданиями и народными легендами, то вдруг оживет яркими ароматными картинами природы. В лучших главах органическое сплетение поэтических картин жизни людей и жизни природы, иллюстрации задушевности и доброды, пронизывающие повествование, накладывают отпечаток своеобразия, который сразу замечешь в произведении Георгиевской.

Но вот в поэтическом рассказе автора начинает чувствоваться напряженность, кажется, что описание эмоционально перенасыщено, возникает потребность разрядке, но ее не получается. Эти места, где конкретные черты жизни людей исчезают из поля зрения писательницы, лирическое восприятие героини становится назойливым, обрашает внимание приобретает отчлененность, высипренность. Боже, что автор уходит от реальной жизни в мир абстрактной образности, и это мистит за собой. Индивидуальность обрачивается стилизацией, своеобразная манера — манерностью.

Когда пейзаж живет жизнью человека, помогает передать его психологию, душевное состояние, тогда он очень выразителен у Георгиевской.

Вот Лера и ее спутники остановились на ночь в тайге. Последний привал. Перед усталыми людьми возникает картина:

«...Ночь. В городе она как будто короче. А как встать в тайге? Не лежней ведь — велика величием.

Вот опрокинулся над тобой ее тяжелый купол...

И дальше автор тонко и поэтично передает настроение всей картины, которую должна предстать перед утомленными путниками именно такой, с ее типичной и беспокойством, с движением тысяч растений и хрупким лопащей.

А рядом возникает вдруг такая картина: «...за частоколом, за табунами насущников коней — необозримость лесов, и еще лесов, и еще лесов, без конца и края. Излу леса по ступеньям гор и словно нежно любимой им жены Капитолины, женщины, которая лучше блещет белок, чем ведет регистрацию читателей в холмской библиотеке. Знакомимся мы и с девятнадцатилетней красавицей Аскалай, замечательной охотницей, и упрямым и вспыльчивым стариком Сафыновым, который с отцовской нежностью охраняет Леру в пути через тайгу.

Когда писательница воссоздает живые черты людей, рисует конкретные эпизоды их быта, мы чувствуем ее дар об разного вида мыса. Ведь сутью писательницы

является художественное видение мира, ее тонкую наблюдательность.

Многие портреты, созданные Георгиевской, чрезвычайно лаконичны. Всего несколько штрихов, резко очерченных индивидуальных деталей, а контуры человеческого характера уже явственно проступают.

«...Старики Таджисирен тоже задумались.

Сия в трапе, измученного kostра, подавая

босые тонкие ноги, он молча наблюдает за багажом трубы. Старость! Круглые от седы ноги. Скрученные руки. Лицо без выражения. А зубы цепы. Все цепы. Одни из-под низко нахлобученной на лоб меховой шапки выбиваются волосы. Густые, темные, без седин. Они спускаются на под думки треугольниками. И старые, мятые веки Таджисирен тоже, как треугольники. Глаза смотрят в сторону Леры. В книгах мудрость сердца и сердец, совсем другая стала жизнь».

Несколько строк, но в них — вся жизнь старика тувинца, который всяко переведал на своем языке, а радость увидел лишь на склоне лет.

Чаще всего подобные портреты как бы вписаны в поэтическую рамку. Рассказ автора льется свободно, и нам не кажется искусственным, что ход его то нарушит звонкое лирическое отступление писательницы, то окрасится он сказочными преданиями и народными легендами, то вдруг оживет яркими ароматными картинами природы. В лучших главах органическое сплетение поэтических картин жизни людей и жизни природы, иллюстрации задушевности и доброды, пронизывающие повествование, накладывают отпечаток своеобразия, который сразу замечешь в произведении Георгиевской.

Но вот в поэтическом рассказе автора начинает чувствоваться напряженность, кажется, что описание эмоционально перенасыщено, возникает потребность разрядке, но ее не получается. Эти места, где конкретные черты жизни людей исчезают из поля зрения писательницы, лирическое восприятие героини становится назойливым, обрашает внимание приобретает отчлененность, высипренность. Боже, что автор уходит от реальной жизни в мир абстрактной образности, и это мистит за собой. Индивидуальность обрачивается стилизацией, своеобразная манера — манерностью.

Когда пейзаж живет жизнью человека,

помогает передать его психологию, душевное состояние, тогда он очень выразителен у Георгиевской.

Вот Лера и ее спутники остановились на ночь в тайге. Последний привал. Перед усталыми людьми возникает картина:

«...Ночь. В городе она как будто короче. А как встать в тайге? Не лежней ведь — велика величием.

Вот опрокинулся над тобой ее тяжелый купол...

И дальше автор тонко и поэтично передает настроение всей картины, которую должна предстать перед утомленными путниками именно такой, с ее типичной и беспокойством, с движением тысяч растений и хрупким лопающей.

А рядом возникает вдруг такая картина: «...за частоколом, за табунами

насущников коней — необозримость лесов,

и еще лесов, и еще лесов, без конца и

края. Излу леса по ступенькам гор и словно

нежно любимой им жены Капитолины,

женщины, которая лучше блещет белок,

чем ведет регистрацию читателей в холмской

библиотеке. Знакомимся мы и с девятнадцатилетней красавицей Аскалай, замечательной охотницей, и упрямым и вспыльчивым стариком Сафыновым, который с отцовской нежностью охраняет Леру в пути через тайгу.

Когда писательница воссоздает живые

черты людей, рисует конкретные эпизоды

их быта, мы чувствуем ее дар об разного

виде мыса. Ведь сутью писательницы

является художественное видение мира,

ее тонкую наблюдательность.

«...Старики Таджисирен тоже задумались.

Сия в трапе, измученного kostра, подавая

босые тонкие ноги, он молча наблюдает за багажом трубы. Старость! Круглые от седы ноги. Скрученные руки. Лицо без выражения. А зубы цепы. Все цепы. Одни из-под низко нахлобученной на лоб меховой шапки выбиваются волосы. Густые, темные, без седин. Они спускаются на под думки треугольниками. И старые, мятые веки Таджисирен тоже, как треугольники. Глаза смотрят в сторону Леры. В книгах мудрость сердца и сердец, совсем другая стала жизнь».

Несколько строк, но в них — вся жизнь старика тувинца, который всяко переведал на своем языке, а радость увидел лишь на склоне лет.

Чаще всего подобные портреты как бы вписаны в поэтическую рамку. Рассказ автора льется свободно, и нам не кажется искусственным, что ход его то нарушит звонкое лирическое отступление писательницы, то окрасится он сказочными преданиями и народными легендами, то вдруг оживет яркими ароматными картинами природы. В лучших главах органическое сплетение поэтических картин жизни людей и жизни природы, иллюстрации задушевности и доброды, пронизывающие повествование, накладывают отпечаток своеобразия, который сразу замечешь в произведении Георгиевской.

Но вот в поэтическом рассказе автора начинает чувствоваться напряженность, кажется, что описание эмоционально перенасыщено, возникает потребность разрядке, но ее не получается. Эти места, где конкретные черты жизни людей исчезают из поля зрения писательницы, лирическое восприятие героини становится назойливым, обрашает внимание приобретает отчлененность, высипренность. Боже, что автор уходит от реальной жизни в мир абстрактной образности, и это мистит за собой. Индивидуальность обрачивается стилизацией, своеобразная манера — манерностью.

Когда пейзаж живет жизнью человека,

помогает передать его психологию, душевное состояние, тогда он очень выразителен у Георгиевской.

Вот Лера и ее спутники остановились на ночь в тайге. Последний привал. Перед усталыми людьми возникает картина:

«...Ночь. В городе она как будто короче. А как встать в тайге? Не лежней ведь — велика величием.

Вот опрокинулся над тобой ее тяжелый купол...

И дальше автор тонко и поэтично передает настроение всей картины, которую должна предстать перед утомленными путниками именно такой, с ее типичной и беспокойством, с движением тысяч растений и хрупким лопающей.

А рядом возникает вдруг такая картина: «...за частоколом, за табунами

насущников коней — необозримость лесов,

и еще лесов, и еще лесов, без конца и

края. Излу леса по ступенькам гор и словно

нежно любимой им жены Капитолины,

женщины, которая лучше блещет белок,

чем ведет регистрацию читателей в холмской

библиотеке. Знакомимся мы и с девятнадцатилетней красавицей Аскалай, замечательной охотницей, и упрямым и вспыльчивым стариком Сафыновым, который с отцовской нежностью охраняет Леру в пути через тайгу.

Когда писательница воссоздает живые

черты людей, рисует конкретные эпизоды

их быта, мы чувствуем ее дар об разного

виде мыса. Ведь сутью писательницы

является художественное видение мира,

ее тонкую наблюдательность.

«...Старики Таджисирен тоже задумались.

Сия в трапе, измученного kostра, подавая

босые тонкие ноги, он молча наблюдает за багажом трубы. Старость! Круглые от седы ноги. Скрученные руки. Лицо без выражения. А зубы цепы. Все цепы. Одни из-под низко нахлобученной на лоб меховой шапки выбиваются волосы. Густые, темные, без седин. Они спускаются на под думки треугольниками. И старые, мятые веки Таджисирен тоже, как треугольники. Глаза смотрят в сторону Леры. В книгах мудрость сердца и сердец, совсем другая стала жизнь».

Несколько строк, но в них — вся жизнь старика тувинца, который всяко переведал на своем языке, а радость увидел лишь на склоне лет.

Чаще всего подобные портреты как бы вписаны в поэтическую рамку. Рассказ автора льется свободно, и нам не кажется искусственным, что ход его то нарушит звонкое лирическое отступление писательницы, то окрасится он сказочными преданиями и народными легендами, то вдруг оживет яркими ароматными картинами природы. В лучших главах органическое сплетение поэтических картин жизни людей и жизни природы, иллюстрации задушевности и доброды, пронизывающие повествование, накладывают отпечаток своеобразия, который сразу замечешь в произведении Георгиевской.

Но вот в поэтическом рассказе автора начинает чувствоваться напряженность, кажется, что описание эмоционально перенасыщено, возникает потребность разрядке, но ее не получается. Эти места, где конкретные черты жизни людей исчезают из поля зрения писательницы, лирическое восприятие героини становится назойливым, обрашает внимание приобретает отчлененность, высипренность. Боже, что автор уходит от реальной жизни в мир абстрактной образности, и это мистит

